

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ) ГЕОГРАФИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Ю. В. Поросенков

Воронежский государственный университет, Россия

Поступила в редакцию 15 июня 2015 г.

Аннотация: В статье исследуются процессы формирования основных научных положений в российской общественной (социально-экономической) географии в 90-х годах XX века и в первые полтора десятилетия XXI века.

Ключевые слова: диверсификация, дифференциация и интеграция географии, общая география, общественная (социально-экономическая) география, экономическая, социальная, политическая и культурная география.

Abstract: The processes of the formation of the general scientific regulations of the Russian social (socio-economic) geography in the 90s of the XXth century and first one and a half decade of XXI century are considered in the article.

Key words: diversification, differentiation and integration of geography, general geography, social (socioeconomic) geography, economic, social, political and cultural geography.

Представленная публикация завершает авторский обзор истории формирования теории отечественной социально-экономической географии почти за столетний период (20-е годы XX в. – 10-е годы XXI в.) [9, 11, 14]. Такой историко-географический подход, по нашему мнению, позволяет более объективно определить основные тенденции формирования теории современной российской общественной географии, дать им анализ и оценку, исходя как из общественного заказа на такие исследования, так и из сложившегося внутреннего потенциала этого направления научных исследований.

Последние 25 лет стали, пожалуй, одним из сложнейших (а порой и драматичных) периодов развития отечественной социально-экономической географии. Переход России к рыночной экономике, быстрая интеграция ее в систему мировых экономических связей в качестве последствий имели существенный «обвал» производства, кардинальное изменение социальной, отраслевой, технологической и территориальной структур хозяйства. Приватизация экономики обусловила резкое сужение функций государственного управления. Стра-

на надолго превратилась в поставщика сырьевых ресурсов для развитых экономик. Проблемы размещения производительных сил на уровне страны, регионов и субъектов РФ оказались на далекой периферии государственных интересов. В этой связи резко сократилась потребность в разработке проектных документов по проблемам развития и размещения производительных сил. Она вполне удовлетворялась работами региональных экономистов. Экономическая география, вытесненная из этой сферы, превратилась в сугубо теоретическую вузовскую науку в системе подготовки географов широкого профиля. Эта негативная ситуация постепенно стала меняться в лучшую сторону лишь в последние годы, когда в стране была восстановлена система стратегического планирования. Резкая поляризация субъектов РФ по уровню экономического и социального развития, необходимость разработки и реализации более эффективной региональной политики опять поставили вопрос о более рациональном размещении (территориальной организации) производительных сил на уровне страны, ее регионов, субъектов РФ и муниципальных образований.

Все это потребовало определенной переоценки сложившейся до того теории и методологии отечественной социально-экономической географии, основы которой были разработаны для «другой страны» с государственной плановой экономикой. Теоретическая «сумятица» усугубилась и тем, что в отечественной науке все более широкое распространение стали получать теоретические построения мировой «западной» географии. В совокупности это ставит вопрос об адекватности теоретического и методического аппарата отечественной социально-экономической географии тем реальным процессам, которые происходят в России в сфере территориальной организации ее общества.

На формирование теоретико-методологического аппарата в современной отечественной общественной географии существенное влияние оказывают и глубинные процессы развития самой этой науки. Исследуемый период характеризуется самым настоящим «диверсификационным взрывом» ее внутренней структуры. Последовательное расширение объекта исследования (для экономической географии – размещение, а потом и территориальная организация хозяйства, для социально-экономической географии – территориальная организация хозяйства, расселения населения, сферы обслуживания населения и природопользования и, наконец, для общественной географии – территориальная организация общества) неизбежно вводило в сферу ее исследования все новые и новые процессы и явления общественной жизни. Такое развитие отечественной общественной географии привело к формированию пограничных областей исследования с весьма значительным числом наук и усилению внутринаучной и межнаучной интеграции.

Процесс резкого усложнения внутренней структуры общественной географии нашел свое отражение в новейшем словаре-справочнике по социально-экономической географии, изданном географическим факультетом МГУ под редакцией А. П. Горкина [20]. В этом словаре дается определение более шестидесяти субдисциплин и научных направлений социально-экономической географии, включая сопредельные науки и научные направления, сложившиеся на разных этапах исторического развития географии и сохранившие лишь историко-географическое значение.

Для анализа произошедших изменений во внутренней структуре общественной географии, вероятно, целесообразно выделить отдельные тематические блоки дисциплин. Так, в экономичес-

кий блок субнаук помимо самой экономической географии, которую В. Е. Шувалов определяет как «ветвь социально-экономической географии о формах, процессах и закономерностях территориальной организации производства и его отдельных компонентов» [27], входят и научные направления, изучающие географию отдельных отраслей производства: география промышленности, география сельского хозяйства (агрогеография, сельскохозяйственная география), география транспорта, география строительства. На глобальном уровне можно говорить о географии мирового хозяйства и географии внешнеэкономических связей. Набор этих отраслей сложился еще к середине прошлого века [18]. Уже в те годы началось формирование географии природных ресурсов и географии природопользования, хотя их становление растянулось на многие годы. В последнее время в связи с развитием рыночной экономики формируется география финансов.

Еще в 70-х годах прошлого века стала формироваться смежная с экономической географией региональная экономика, которая перекрыла значительную часть объекта исследования экономической географии. Один из теоретиков этого направления Н. Н. Некрасов считал, что задачей экономической географии прежде всего должна выступать лишь хозяйственная оценка природных комплексов [12]. Новейшее определение региональной экономики как экономической науки, изучающей территориальную организацию региона, связанную с оптимизацией размещения производительных сил на территории в соответствии с природно-экономическими, социально-демографическими, институциональными и экологическими особенностями региона и с учетом его участия в международном разделении труда [8], сохраняет широкую область взаимоперекрывания экономико-географических и экономических исследований и содержит потенциальную угрозу вытеснения географов.

Аналогичная ситуация с областью взаимного перекрытия возможна и у географии мирового хозяйства с такими новыми в целом экономическими исследованиями, как «геоэкономика» и «новая экономическая география». По мнению Н. С. Мироненко, геоэкономика – область знания и концептуальные воззрения, изучающая экономическую деятельность в глобальном пространственном контексте [5]. В свою очередь, новая экономическая география – направление в пространственной экономике, изучающее межрегиональное распределе-

ние экономической активности в условиях возрастающей отдачи от масштаба, монополистической конкуренции при учете транспортных издержек [5].

В целом же современная отечественная экономическая география развивается в условиях возрастающей конкуренции со стороны экономистов как на региональном, так и глобальном уровнях. Конечно, сложившаяся ситуация вызывается все изменяющимся общественным заказом на такие исследования, но в немалой степени определялась и теоретическими особенностями отечественной экономической географии. Первый аспект этого процесса имеет объективный характер. На протяжении второй половины XX и начала XXI веков существенно изменились социальная, отраслевая, технологическая и территориальная структуры хозяйства, изменился набор и соотношение факторов его функционирования. Это потребовало исследование все новых и новых сторон хозяйственной деятельности.

Однако этот запрос не мог быть полностью реализован в рамках традиционной теории отечественной экономической географии. У нее сложились весьма непростые отношения с экономикой как наукой. Отечественная экономическая география, возникшая еще в конце XIX – начале XX веков как экономическая наука (отраслево-статистическое направление), в 20-е - 30-е годы XX века на новой методологической основе (районная школа) становится частью системы географических наук. Интеграция в географию позволила принять участие в подготовке географов-комплексников и разработке проектных документов общегосударственного значения. В этот период, находясь в рамках географии, экономическая география сохранила тесные связи с экономической наукой, особенно политической экономией и такими прикладными направлениями, как планирование народного хозяйства и территориальное планирование.

На этом первоначальном этапе в науке сложилось такое представление о разграничении экономической науки и экономической географии: первая занимается изучением отраслей хозяйства, вторая – экономическими районами. Впоследствии это представление было изменено, поскольку географы стали исследовать и отрасли хозяйства. Был найден новый «водораздел» в рамках исследования производства: географы изучают производительные силы, а экономисты – производственные отношения. Такой подход привел к усилению «технологизма» в экономической географии и стал одной из причин формирования региональной эко-

номики как науки, которая стала значительным конкурентом экономической географии.

Одним из первых проявлений процесса гуманизации отечественной экономической географии стало формирование внутри нее в 60-х – 70-х годах XX века таких направлений, как география населения и география сферы обслуживания. Эти направления привели к формированию значительной группы профессионалов-исследователей. Этим обозначился первый отток специалистов из сферы географии хозяйства, который привел к свертыванию исследований в этой области по мере смены поколений. В последние 25 лет география населения и география сферы обслуживания сохранили свои позиции в рамках отечественной социально-экономической географии.

По мнению А. И. Алексева, современная география населения – раздел социально-экономической географии, исследующий закономерности размещения населения по территории. Традиционно в составе географии населения выделяются разделы: демогеография, география миграций, этническая и конфессиональная география, география рынка труда и занятости, география уровня образования и социального состава населения, география расселения (география поселений) городского и сельского населения, расселение населения (заселенность территории и плотность населения), география уровня и образа жизни. Иногда в состав географии населения включают также «географию восприятия» [1].

Следовательно, на современном этапе развития науки прослеживается определенная преемственность развития основных направлений внутри географии населения. Все-таки окончательно внутренняя структура отечественной географии населения еще не сложилась. Возникли области взаимного перекрытия, например, география городов и геоурбанистика, конфессиональная география хотя и связана с этногеографией, но является по отношению к ней самостоятельным научным направлением. География населения стала той частью географической науки, на базе которой сформировалось значительное число новых субдисциплин, что вносило коррективы в ее отношения к социальной и культурной географиями.

Возникшая одновременно с географией населения география сферы обслуживания была ориентирована на изучение значимых для человека элементов социальной инфраструктуры и включала в себя изучение отдельных отраслей (торгового, школьного, медицинского, коммунально-быто-

вого, культурного видов обслуживания), так и территориальной организации их в виде отраслевых и комплексных центров обслуживания. Однако здесь возникло взаимоналожение изучения отдельных отраслей (например, торговли) как элементов сферы обслуживания, так и как отраслей хозяйства. К сожалению, даже в современный период география сферы обслуживания не смогла сформировать своей общей теории.

В словаре-справочнике, изданном МГУ, дается понятие «география третичного сектора» – отрасль социально-экономической географии, изучающая закономерности и особенности развития территориальной структуры третичного сектора экономики, к которому отнесены такие отрасли, как информационные услуги, финансы, транспорт, связь, торговля, бытовые услуги, образование, здравоохранение, НИОКР, спорт, туризм, содержание вооруженных сил, административные услуги [20]. Такой подход далеко вышел за пределы первоначального понимания географии сферы обслуживания. Кроме того, это направление вряд ли можно рассматривать в качестве сложившейся отрасли социально-экономической географии, поскольку оно не имеет общей методологической основы. Среди сложившихся отраслей этого направления можно отметить географию образования, которую А. П. Катровский рассматривает как направление в социально-экономической географии, предметом исследования которого является территориальная структура общего и профессионального образования [20].

В последние 25 лет интенсивность процесса структурной диверсификации социально-экономической географии резко возросла, следствием стало формирование блоков научных дисциплин в рамках политической, социальной и культурной географий. Формирование политической географии отвечает на четко выраженный общественный запрос о необходимости объективного исследования внутрироссийских и мировых политических отношений. По мнению Н. С. Мироненко, политическая география – отрасль общественной географии, формирующаяся на интеграции с политологией, изучающая территориально-политические системы и их взаимодействия друг с другом. Объектами ее исследования выступают политические и административные границы, центры управления, органы власти, партии, общественные движения на разных территориальных уровнях [7].

Политическая география находится на этапе ее формирования и внутри нее складываются такие

направления, как география границ (лимнология), география федерализма, география терроризма. В рамках политической географии развивается и электоральная география, изучающая особенности электорального поведения избирателей [20]. Близка к политической географии геоконфликтология, изучающая пространственно проявляющиеся конфликты общественного происхождения.

В блок политико-географических исследований частично входят институциональная география, исследующая территориальное размещение институтов (совокупность норм и правил) и их влияние на комплексное развитие территорий, в том числе и на поведение людей. Если исходить из того, что война – одна из форм проявления внешних государственных отношений, то к этому блоку относится военная география, формирование которой в нашей стране относится еще к XIX и XX векам, но которая получила новые импульсы развития на новейшем этапе отечественной истории. Военная география – отрасль географии, исследующая расстановку политических, экономических и военных возможностей стран и их коалиций. Поскольку в рамках военной географии предусматривается изучение и оценка оперативно-тактических свойств местности, то она находится на стыке общественной, физической, медицинской географий и военной картографии [20].

С политической географией связана геополитика. Обоснованная еще в конце XIX века немецким географом Ф. Ратцелем, геополитика долгое время рассматривалась в советской географии как биологизация общественных отношений и обоснование территориальной экспансии. Однако этот термин опять вошел в научный оборот общественной географии конца XX века. По мнению Н. С. Мироненко, геополитика – проблемная научная область, которая выявляет и прогнозирует пространственные границы различных силовых полей (политических, военных, экономических, цивилизационных, экологических, естественно-ресурсных) преимущественно на глобальном уровне [20]. В прикладном плане под геополитикой часто понимают международную государственную деятельность, которая учитывает географическое положение стран, их природно-ресурсный, демографический, экономический и военный потенциалы.

Современный период развития отечественной общественной географии характеризуется становлением блока социально-географических дисциплин. В словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» [2013 г.]

М. С. Савоскул определяет социальную географию как ветвь социально-экономической географии, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, быта, отдыха, развития личности и воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности и их проявление в пространстве [17]. Поэтому к сфере ее деятельности практически относятся все географические исследования, не затрагивающие материального производства и природных ресурсов.

В современной отечественной науке в понимании «социальной географии» сложились разные точки зрения. Первая – социальная география – это новое научное направление в рамках географии населения. Вторая – социальная география – самостоятельная наука наряду с экономической географией и географией населения. Третья – социальная география – широкое междисциплинарное направление внутри общественной географии, включающее в себя географию населения, географию сферы обслуживания, географию потребления, рекреационную географию [13].

Помимо собственно социальной географии, если ее рассматривать в качестве самостоятельной науки, к системе социально-географических наук относятся гендерная география и география преступности. Гендерная география изучает региональные соотношения полов в социальной, демографической, трудоресурсной структурах населения, а также территориальные особенности проявления качества жизни, социальной идентичности и социальных ролей мужчин и женщин в обществе. География преступности (или география девиантных социально-экономических отношений) – направление в социально-экономической географии, изучающее особенности распространения и территориальной структуры девиантных форм деятельности, нарушающих действующие законы и общепринятые нормы. Внутри нее выделяют географию преступности, географию коррупции, географию наркоторговли [20].

Весьма непростые проблемы в настоящее время возникают в общественной географии в связи с формированием блока наук, изучающих культуру. Даже в аспекте основных понятий существуют достаточно близкие и накладывающиеся друг на друга определения «география культуры» и «культурная география» [21, 22]. Термин «культурная география» пришел в отечественную науку из западной мировой географии, где культурная геогра-

фия является одной из четырех ветвей общественной географии, наряду с экономической географией, социальной географией и политической географией. По мнению В. Н. Стрелецкого, культурная география – научная дисциплина, изучающая культуру в географическом пространстве, пространственную дифференциацию и разнообразие ее элементов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также отображение географического пространства в самой культуре [22]. В таком понимании культурная география связана с пониманием культурных ландшафтов. С точки зрения практики разговорного языка, термин «культурная география» не очень удачен, поскольку предполагает наличие и некультурной географии.

В современной науке сложилось весьма широкое понимание и термина «география культуры». В определенной степени это связано со столь же широким пониманием термина «культура» в русском языке. Культура – это совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни [19]. Поэтому можно говорить и о материальной, и о духовной культуре. В более узком смысле «география культуры» – совокупность научных направлений, изучающих территориальную организацию разных сфер объектированной культуры (от артефактов до ментифактов, от высокого профессионального искусства до так называемой народной, бытовой и массовой культуры, территориальную дифференциацию городской и сельской культуры, этнокультурные и социально-культурные различия в обществе в их пространственном преломлении. В предельно узком смысле, география культуры иногда неправомерно отождествляется с географией культурной инфраструктуры как раздела географии сферы услуг [25].

Столь неоднозначное понимание географии культуры (культурной географии) привело к формированию значительного числа частных отраслей, изучающих геокультурные особенности. Среди них необходимо в первую очередь отметить географию религий или конфессиональную географию. По мнению А. И. Даньшина, она является направлением в социальной географии, изучающим распределение религиозных воззрений на территории Земли, как элемента исторической и культурной географии, пространственного поведения человека. В отличие от этнологов и религиоведов, географы чаще рассматривают религию как идентифицирующую культурную особенность общности людей, проживающих на определенной

конкретной территории [4]. Близка к географии религий сакральная география, которая рассматривается как направление гуманитарной географии, изучающее пространственную структуру представлений об окружающем мире, закрепленных в религиозных мировоззрениях [20].

К системе географических культурологических наук относится и когнитивная география, изучающая пространственные представления. В широком смысле когнитивная география изучает пространственный срез карты мира, формирующийся в сознании отдельных социальных и культурных групп [20]. К этой группе частных социально-экономико-географических наук относится и лингвогеография (лингвистическая география), изучающая географическое разнообразие языков и диалектов и отражающая его на географических картах.

Особое место в системе социально-экономической географии занимает рекреационная география, относительно недавно вошедшая в номенклатуру ВАКовской специальности – «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». По мнению А. Ю. Александровой, рекреационная география изучает пространственные закономерности деятельности людей в свободное время. Рекреационная география занимает пограничное положение между социально-экономической и физической географиями и тесно взаимодействует с целым рядом негеографических наук [12]. Поэтому включение рекреационной географии в ВАКовскую специальность по социально-экономической географии требует дальнейшего более глубокого использования методологии этой науки [16]. По мнению А. Ю. Александровой, разделом социально-экономической географии является и география туризма [20].

Московские университетские коллеги в опубликованном ими словаре-справочнике объективно и обстоятельно отразили ту ситуацию, которая в настоящее время сложилась в структуре современной отечественной социально-экономической географии. Процесс интенсивной структурной диверсификации обусловил «немыслимое» число отраслей и научных направлений, которое сформировалось под общей «крышей» социально-экономической (общественной) географии, что вызвало большие сложности не только в обосновании ее общей методологии, но даже какого-то консенсуса в названии этой науки.

В словаре-справочнике даются определения как социально-экономической, так и общественной географии, которые существенно перекрыва-

ют друг друга. В. Е. Шувалов под социально-экономической географией понимает комплекс географических научных дисциплин о формах, процессах и закономерностях территориальной организации общества в целом и ее отдельных компонентов [26]. Автор считает, что социально-экономическая география подразделяется по предметам изучения на экономическую и социальную географию. В рамках последней в виде научных направлений, так и в качестве самостоятельных наук выделяют политическую, культурную и рекреационную географию. Дискуссионным, по мнению автора, остаются вопросы взаимоотношения социально-экономической географии и географии населения, месте географии городов, рекреационной, военной и медицинской географий.

А. П. Горкин определяет общественную географию как совокупность всех географических научных дисциплин, объектом исследования которых является территориальная организация общества [37]. По его мнению, расширение и углубление географических методов в исследовании общественных явлений и процессов привели к возникновению новых научных исследований, далеко выходящих за рамки размещения производительных сил и расселения населения. Автор считает, что понятие «общественная география» более адекватно отражает интеграционный потенциал обществоведческого направления в географии.

Если исходить из существа вопроса, то термин «общественная география» более адекватно представляет те процессы, которые происходят в нашей науке. Но все же предпочтительней термин «социально-экономическая география» (в понимании ее как общественной географии), поскольку он более широко распространен и напрямую связан с ВАКовским определением специальности. К тому же сейчас не время для терминологических изысков, поскольку названия многих наук превратились в их бренды, то есть условные обозначения, которые не отражают все их содержание. Вряд ли кто сейчас думает, что отличие географии от геологии состоит в том, что первая Землю описывает, а вторая ее изучает. Современная физическая география вовсе не является наукой о неживой природе, которую она исследует преимущественно физическими методами. Ярким примером чрезмерной диверсификации социально-экономической географии является представленная в словаре-справочнике «география социально-экономического развития» – общественно-географическая дисциплина, изучающая пространственные осо-

бенности социально-экономических изменений. Это направление связано с процессом более глубокого понимания сущности «развития» как качественного процесса в отличие от просто количественных параметров (динамика, рост и т.д.) [20].

В целом же процесс отраслевой диверсификации социально-экономической географии имеет объективный характер и связан с расширением объекта ее исследования, стремлением наиболее полно отразить все элементы и их взаимоотношения в рамках исследования территориальной организации общества. Но, с другой стороны, этот процесс представляет реальную угрозу дальнейшему развитию нашей науки. Ограниченность кадрового потенциала профессиональных экономико-географов не позволяет глубоко исследовать эти процессы и сформировать заявленные отраслевые науки в рамках социально-экономической географии. А действие по пословице «если все не съем, то хотя бы просто надкусаю» таит в себе серьезную профанацию науки.

Например, физическая география оказалась в более выгодном положении. Претерпевая в конце XIX – начале XX веков быстрое развитие отраслевых наук, она смогла выработать свое научное ядро – ландшафтоведение как изучение природных территориальных комплексов и все последующие нововведения использовала для дальнейшего углубления этого подхода. В отечественной экономической географии таким интегральным направлением стало изучение экономических районов как территориальных хозяйственных комплексов, изначально связанное с потребностями плановой государственной экономики. Однако в условиях «нового русского капитализма» в связи с резким снижением роли государства в социально-экономическом развитии страны крупные экономические районы уже не выступают инструментом долгосрочного территориального планирования, и интерес к их изучению существенно упал.

Большие сложности с теорией отечественной социально-экономической географии стали понятны широкой географической общественности уже к концу первого десятилетия нового века. В 2010 г. в Ростове-на-Дону была проведена международная научная конференция «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития» [23]. Организаторами ее выступили Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт географии

РАН, Факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Русское географическое общество. В работе конференции приняли участие около 140 человек, представляющих ведущие центры социально-экономической географии России и некоторых других стран, среди них 62 доктора наук и 47 кандидатов наук. В 2010 году в издательстве Южного федерального университета вышла книга «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов», в которой были изложены мнения-интервью 23-х ведущих российских ученых по важнейшим проблемам развития теории и методологии социально-экономической географии [24]. Столь широкое представительство позволяет утверждать, что материалы конференции и мнений-интервью объективно отражают представление профессиональных географов о состоянии современной отечественной социально-экономической географии.

Представленные материалы объективно отразили высокий теоретико-методологический потенциал авторов, глубокое и детальное владение ими ситуацией в отечественной и мировой науке, широчайший спектр взглядов и представлений по данному вопросу. В то же время изучение этих материалов позволяет, к сожалению, сделать вывод, что отечественная социально-экономическая география серьезно больна.

1. Обвальное формирование большого числа частных социально-экономико-географических наук с их собственными теориями и методиками исследования не сопровождалось соответствующим развитием материнской науки. Социально-экономическая география, по существу, лишалась своей общей теоретико-методологической базы, а среди специалистов вообще появились сомнения в возможности создания такой ее теоретической основы.

2. Попытки найти теоретическую основу для отечественной социально-экономической географии привели со стороны экономико-географов к работам по обоснованию общей теории географии, но в этом отношении они оказались неудачными. Общая география как теория всей системы географических наук все-таки не дает ключ к решению проблем самой социально-экономической географии. К тому же обоснование такой теории требует высокого уровня взаимопонимания специалистов как общественно-географического, так и природно-географического блоков географии в целом. К тому же взаимоотношения между экономико-гео-

графами и физико-географами в нашей стране всегда были непростыми. В 20-30-е годы XX века экономическая география стараниями Н. Н. Баранского и его союзников была выведена из системы экономических наук и была интегрирована в географию для подготовки географа-комплексника в рамках районной концепции. Но экономическая география сохранила свою методологическую самостоятельность, а в прикладном аспекте была тесно связана с территориальным планированием.

В середине прошлого века дискуссия о единой географии (по примеру западной мировой географии) завершилась тем, что экономическая география сохранила свою самостоятельность, хотя подчеркивалась необходимость более тесных связей между физико-географическими и экономико-географическими исследованиями. По существу было признано, что под общим названием «география» существовали две различные науки – физическая и экономическая географии [9, 14]. Ситуация существенно изменилась на рубеже XX и XXI веков, когда методологические различия между этими науками уменьшились и появилась возможность обоснования общегеографических теоретических конструкций.

3. Преимущественное развитие социально-географических, культурно-географических и политико-географических исследований в социально-экономической географии привело к тому, что такой традиционный объект ее исследования как территориальная организация хозяйства оказался на периферии ее интересов. Дальнейшее развитие этой тенденции может привести к тому, что социально-экономическая география потеряет право называться экономической наукой. В основе этого негативного явления лежат две причины. Процессы развития, в том числе и территориальной организации современной мировой и отечественной экономики вряд ли могут быть объяснены и прогнозируемы лишь на основе исторически сложившейся в условиях раннего индустриального развития (и изолированной от мировой экономики) советской модели развития и размещения производительных сил. Кардинально изменились с тех пор условия современной экономической деятельности, в которой энерго-производственный подход потерял свое основное значение.

Резкое снижение интереса к проблемам территориальной организации хозяйства связано и с естественным процессом смены кадров. Можно вспомнить, что в 20-30-ые годы прошлого века у специалистов районной школы возникло представ-

ление, что исследование отдельных отраслей хозяйственной деятельности – это удел экономистов. Вероятно, это было связано с предубеждением против сложившегося еще в дореволюционной России отраслево-статистического направления. В рамках такой концептуальной модели экономико-географы должны были заниматься исследованием экономических районов.

Ситуация существенно изменилась в 50-60-е годы XX века, когда внутри экономической географии сложились мощные научные школы по географии промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Правда, в отличие от экономистов, акцент был сделан на изучение отраслей хозяйства через призму формирования их территориальных комплексов в тесной связи с процессами районирования.

В какой-то степени аналогичная ситуация сложилась с экономическими районами как объектом исследования экономической географии. Уже в 70-80-е годы XX века, в связи с усилением отраслево-монополистического руководства советской экономикой, интерес к проблемам экономического районирования был настолько потерян, что исследование районов приобрело сугубо учебно-академический характер [12]. Немалую роль в этих процессах сыграло быстрое формирование региональной экономики, которая во все большей степени стала вытеснять экономическую географию из сферы исследования проблем территориальной организации производительных сил. В этих условиях экономическая география во все большей степени стала трансформироваться в сугубо вузовскую науку, мало связанную с практикой планирования. Все эти процессы своего завершения нашли уже в современной российской социально-экономической географии.

4. Отмеченные процессы в определенной степени осложняют вузовскую подготовку экономико-географов. До сих пор учебные планы строились на основе теории и учета внутренней структуры отечественной социально-экономической географии как науки. В современных условиях теоретического разнобоя и формирования большого числа научных направлений возникает вопрос: какую теорию давать и какие субдисциплины (из огромного их числа) включать в учебный план. К тому же ситуация на рынке труда требует подготовки специалистов с конкретными навыками и умениями в их будущей деятельности.

5. В современных условиях развития страны усилился социально-экономической географии, по

нашему мнению, должны быть направлены на исследование тех изменений, которые произошли на этапе «нового российского капитализма», и на определении хотя бы основных тенденций предстоящего развития. Поэтому полезно вспомнить призыв американского географа еще первой половины XX века К. О. Зауера, который, обращаясь к своим коллегам, писал, что географы должны знать, что происходит с нашей землей [12]. Применительно к современной российской действительности отечественная социально-экономическая география обязана отвечать: что происходит с нашей природной средой, нашей экономикой и нашим обществом.

Решение всех этих сложнейших проблем потребует от специалистов, работающих в сфере социально-экономической географии, предпринять большие усилия по развитию интеграционных процессов в этой науке. В истории отечественной географии уже были периоды, когда интенсивная отраслевая дифференциация вызывала ответное развитие в виде интеграционных направлений. Классическим примером является учение В. В. Докучаева о природных территориальных комплексах, которое впоследствии сформировалось в виде ландшафтоведения. По нашему мнению, интеграционные процессы в социально-экономической географии возможны трех видов: субнаучная интеграция в сфере самой социально-экономической географии, научная интеграция – развитие социально-экономической географии в общей системе географических наук, межнаучная интеграция – развитие связей социально-экономической географии с теми негеографическими науками, которые наиболее важны для развития учения о территориальной организации общества и реализации его в сфере управления.

Субнаучная интеграция для современной социально-экономической географии, пожалуй, имеет важнейшее значение. Интеграция возникших новых субдисциплин в рамках общей социально-экономической географии – залог ее дальнейшего развития. Необходимо, в первую очередь, определить наиболее значимые процессы, которые формируют территориальную организацию общества. На этой основе определить перечень субнаучных дисциплин, которые составят ядро отечественной социально-экономической географии. В их число, вероятно, следует включать экономическую географию, географию размещения и расселения населения, географию сферы обслуживания населения, географию природопользования и ту часть

политической географии, которая исследует процессы управления обществом.

В рамках субнаучной интеграции социально-экономическая география должна определить свой базисный территориальный объект исследования. По нашему мнению, им может выступать социально-экономический район (регион). При этом термин «регион» на современном этапе более предпочтителен, поскольку под термином «район» мы исторически понимали «экономический район», то есть регион определенного типа. Развитие теории социально-экономического районирования должно учитывать не только проблемы их делимитизации, но и формирования их функциональной и территориальной структур. Такие регионы сформировались на разных территориальных уровнях, хотя основными из них в настоящее время выступают мезорайоны (субъекты РФ) и микрорайоны (муниципальные образования). В связи с особенностями современного территориального управления на первый план выступает исследование процессов формирования мезорайонов, их типология и происходящие функциональные изменения. Такой подход позволяет проследить основные тенденции формирования территориально-функциональной структуры страны.

Научная интеграция современной российской социально-экономической географии определяется ее отношениями с другими структурными блоками в рамках общей системы географических наук. Это в определенной степени связано с тем, что граница между естествознанием и обществоведением проходит внутри всех этих структурных блоков. Например, физическая география, конечно, относится к наукам о Земле и изучает территориальную дифференциацию природы в рамках географической оболочки, но там, где она исследует антропогенное воздействие на природу, она частично «перекрывается» социально-экономической географией. С другой стороны, социально-экономическая география, несомненно, относится к группе общественных наук, поскольку исследует процессы территориальной организации общества, но там, где она изучает воздействие на них природно-ресурсного потенциала экономического развития и экологические условия жизни людей, она «перекрывается» физической географией и геоэкологией. Аналогично можно было бы сказать о самой геоэкологии и природопользовании.

В этой связи в рамках научной интеграции первостепенное значение для экономико-географов приобретает не поиск общей теории географии, а

участие в разработке конкретных проблем на стыке с другими географическими науками. Например, совместно с физико-географами исследование возможностей определения природно-ресурсного потенциала регионов, природных территориальных комплексов и их отдельных элементов. Совместно с геоэкологами разработать эколого-экономическую оценку территорий, а с представителями еще только формирующегося природопользования определить параметры рационального природопользования регионов по видам хозяйственной деятельности не только на основе охраны природы, но и определения целесообразности экономического механизма такой деятельности.

Межнаучная интеграция, то есть тесные взаимные связи с негеографическими науками, всегда была сложнейшей проблемой социально-экономической географии. Можно вспомнить о непростых отношениях отечественной экономической географии с экономикой и историей. Тогда дискутировался вопрос: историческая география – это география или история. На протяжении десятилетий непросто выстраивались отношения экономической географии и экономики. Даже внутри самих экономико-географов было определенное противостояние в основном вузовских теоретиков и тех экономико-географов, которые работали в экономических структурах, а потом стали преподавателями в экономических вузах и факультетах.

Многократно обострилась проблема межнаучной интеграции в современной социально-экономической географии в связи с формированием в ней многочисленных пограничных дисциплин, которые, в принципе, не могут дальше развиваться вне тесных связей с пограничными негеографическими науками. Появились упреки в адрес ряда известных российских экономико-географов, которые якобы ушли за пределы «географического поля». Вероятно, нужно признать, что широкая межнаучная интеграция – это не ошибочная позиция отдельных исследователей, а объективный процесс в отечественной социально-экономической географии. Можно вспомнить высказывание выдающегося отечественного исследователя В. И. Вернадского, который писал, что в будущем научные системы будут формироваться не по объектам исследования, а по решаемым проблемам. Теперь, наверное, мы все понимаем, что социально-экономическая география может одновременно входить в разные научные системы.

Для современной социально-экономической географии особенно важны связи с теми прикладными науками, которые выступают базой практической реализации географических исследований, то есть внедрение их в систему современного управления. Среди таких наук необходимо в первую очередь назвать региональное планирование (а более точно, региональное программирование) [20]. В последние годы на государственном уровне сформировалась система стратегического планирования, определяемая специальным федеральным законом [25]. В этом законе определен принцип, задачи и перечень соответствующих документов, причем разработка некоторых из них прямо требует участия в них экономико-географов. Личный опыт одного из авторов статьи [15] позволяет утверждать, что участие в таких работах экономико-географов доброжелательно оценивается региональными и местными властями.

На современном этапе для отечественной социально-экономической географии приобретает более активное участие в регионоведческих исследованиях. Под регионоведением в настоящее время понимают, с одной стороны, широкую междисциплинарную область, направленную на исследование региона, а с другой стороны, комплексную дисциплину [20]. По мнению автора, в настоящее время происходит определенная консолидация таких направлений, как региональная экономика, региональная социально-экономическая география, региональная социология, региональная политология, региональный менеджмент и муниципальное право, поскольку ни одна из названных наук не может претендовать на глубокое, достоверное исследование региона, определение его потенциала, «узких мест» развития, определение внутренних и внешних угроз и на этой основе разработать перспективные планы его развития [10].

Настоящей статьей мы завершаем серию исследований развития теории отечественной социально-экономической географии на протяжении последнего почти 100-летнего периода и, конечно, высказываем авторскую оценку. Выражаем надежду, что этот цикл работ окажется полезным в аспекте современного обсуждения теоретических основ нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. География населения / А. И. Алексеев // Социально-экономическая география: понятия

- и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 56.
2. Александрова А. Ю. Рекреационная география / А. Ю. Александрова // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник. отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 214.
3. Горкин А. П. Общественная география / А. П. Горкин // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 164-165.
4. Даньшин А. И. География религий / А. И. Даньшин // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 60-62.
5. Куричев Н. К. Новая экономическая география / Н. К. Куричев // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 162-163.
6. Мироненко Н. С. Геоэкономика / Н. С. Мироненко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 69-70.
7. Мироненко Н. С. Политическая география / Н. С. Мироненко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 177-178.
8. Мироненко Н. С. Региональная экономика / Н. С. Мироненко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 212.
9. Поросенков Ю. В. Отечественная экономическая география в 40-50 годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2014. – № 4. – С. 142-149.
10. Поросенков Ю. В. Регионоведение в системе российского высшего географического образования / Ю. В. Поросенков // Современные проблемы регионоведения : доклады первой Всероссийской конференции. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 182-187.
11. Поросенков Ю. В. Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2009. – № 2. – С. 5-11.
12. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. – 224 с.
13. Поросенков Ю. В. История формирования и современные особенности методологии российской социальной географии / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2015. – № 2. – С. 60-72.
14. Поросенков Ю. В. Советская экономическая география в 60-80-х годах XX века / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2015. – № 1. – С. 78-91.
15. Поросенков Ю. В. Региональная схема размещения производительных сил Воронежской области / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2015. – № 2. – С. 50-57.
16. Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-х годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2014. – № 3. – С. 116-127.
17. Савоскул М. С. Социальная география / М. С. Савоскул // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 238-240.
18. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю. Г. Саушкин. – Москва : Мысль, 1973. – 559 с.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / Институт русского языка АН СССР. – Москва : Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с.
20. Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена. – 328 с.
21. Стрелецкий В. Н. География культуры / В. Н. Стрелецкий // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 54-55.
22. Стрелецкий В. Н. Культурная география / В. Н. Стрелецкий // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 119-120.
23. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития : материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г. / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2010. – 476 с.
24. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2010. – 166 с.
25. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – Москва, 2014. – 34 с.
26. Шувалов В. Е. Социально-экономическая география / В. Е. Шувалов // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 240-241.

27. Шувалов В. Е. Экономическая география / В. Е. Шувалов // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 304-305.

Поросенков Юрий Васильевич
доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии и регионоведения факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета, г. Воронеж, т. (473) 255-53-13, 8-919-241-89-78, E-mail: ecgeograf@mail.ru

Porosyonkov Yuriy Vasil'yevitch
Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Chair of social and economic geography and regional studies, department of geography, geoecology and tourism, Voronezh State University, Voronezh, tel. (473) 255-53-13, +7 919-241-89-78, E-mail: ecgeograf@mail.ru